

ние, просто они не всегда вписывались в решение поставленной перед фотографом задачи. Но как же сейчас нам важны те кадры, где объект оставлен «как он был». Эти кусочки — отдельные фотографии, как элементы в мозаичной картине, собирают мир, которого уже нет, но который запечатлен в них. Или там все-таки другой мир, который начал существовать только в результате нажатия на кнопку?

И сейчас уже не страшно, что детали этой фотографической мозаики грубы, что они не подходят друг другу. Тот призрачный мир, который возникает из фрагментов реальной жизни, почему-то нам очень важен... Я думаю, что же важнее из двух ипостасей фотографии: показать то, что было, или рассказать, как оно могло бы быть? Это «могло бы быть» в полной мере заявляет о себе в постановочных работах, где, пытаясь себя реализовать, фотографы выстраивают этот еще не родившийся мир перед фотокамерой в полном соответствии с внутренним его пониманием. Там они свободны в выборе именно того, из чего сложится образ. Но, снимая реальную картинку, тот же репортаж, фотограф не менее свободен в выборе этой картинке из уже существующих в реальном пространстве. Хотя принцип тут совсем другой, но задача одна: найти то мгновение, в которое мир внешний придет в максимальное равновесие с твоим внутренним миром. Думаю, что фотография потому и имеет такое сильное влияние, что, рассматривая работу, выполненную по законам «было», мы все равно ищем «могло бы быть». А разглядывая «могло бы быть», все равно не отделяем до конца для себя вероятность того, что это все-таки «было»... А еще важнее, что это «стало» — чем стало и на отпечатке. Лист бумаги становится пристанищем несуществующего в нашем обычном мире. Вглядываясь в элементы этого изображения, мы для себя, опираясь на отдельные элементы изображения, считывая определенные знаки, подчиняясь ритму, заложенному в образном ряде изображения, выстраиваем уже собственное восприятие этого мира. И тут важно, сумеет ли изображенный мир прийти в соответствие с нашим зрительским, внутренним миром. От соответствия заложенного в изображении нами самими мы получаем способность видеть, как части дополняют друг друга, взаимопроникают и образуют ту самую «как бы реальность». И в этот момент «как бы реальность» становится подлинной реальностью. Человек, сфотографированный в образе кого-либо, становится тем, кем изображен. Отсюда и фотомодели невероятной красоты, и пейзажи, где нет следа разрушительной деятельности человека, и растрепанные девушки, порочные и невинные, на фоне развалин... Человек, изображенный на фотографии в образе героя, становится героем хотя бы на мгновение выдержки.

Я думаю, помещая в кадр что бы то ни было: от натюрмортов до авангарда, человек снимает себя самого, отражается в отдельных работах, как в зеркалах. Может быть, не целиком, но отчасти — обязательно. И, мне кажется, это — попытка организо-

вать мир, где мы выглядим так, как хотели бы выглядеть, такой, каким хотели бы его видеть или не хотели, но который мы понимаем. Своеобразная иллюзия созидания мира, в котором нет места случайности, созидания, подчиняющегося законам красоты. «Так могло быть» — и ретушируются морщины, и мы больше не страдаем от приближающейся старости. Удаляются из картинке кучи мусора и висающие провода, усиливаются краски — и мир улучшается. Но, к сожа-

которая запечатлена на снимке: «Это мы у моря в ... году»... «А здесь Лидочке пять лет»... Так на бытовом уровне мы стараемся решить один из самых трудных вопросов — о бессмертии. Это бессмертие действительно существует там, в новом мире, созданном из существующего в момент нажатия на кнопку фотоаппарата. А зритель, вновь и вновь разглядывающий картинку, закрепляет это бессмертие собой, своим восприятием. Барт говорит о смерти реального мира

«Я бы назвала фотографию — способом рождения. Местом, где появляются миры»

лению, не реальный мир, а мир — выдуманный. Человек пытается зацепиться за этот мир, остаться в нем, преодолеть страх небытия и преодолеть само небытие через создание нового. В любом случае, язык изображения исключительно важен как для фотографа, так и для зрителя. В идеале, они должны понимать этот язык образов, уметь видеть «слова» этого языка.

Но другая ипостась фотографии — «так было» — напоминает о себе. Эта грань фотографии не менее прекрасна, потому что именно она позволяет фотографии прорасти в наш реальный мир из иллюзорного. Это те корни, которые не дают фотографии стать всего только еще одним способом реализации внутреннего мира художника, еще одной, механической, «кисточкой», еще одним способом рисования. «Так было» проверяет, насколько в реальном мире могут существовать объекты внутреннего мира фотографа и зрителя. И как эти объекты могут создаваться: через взгляд, ракурс, выбор того самого главного момента, когда жизнь фиксируется в фотографии... На фотографии мы бессмертны, но только в ту долю секунды,

в фотографии... Я бы назвала фотографию — способом рождения. Местом, где появляются миры.

А дальше, если повезет, фотография повернется новой гранью: «так есть».

«Так есть» — это когда снятая реальность превращается в образ, в слово, в знак и становится фотографией, узнаваемой и запоминаемой. Это может случиться с любой фотографией любого жанра, где удачно сольются история и образ, язык и музыка. Когда фотография из очередного кадра превратится в законченный объект, станет образом и словом и начнет жить своей жизнью, отдельной от создавшего ее фотографа. В этом обманчивая легкость фотографии...

«Так было», «так могло быть» и «так есть» — это грани одного явления: фотографии. Фотограф пытается изобразить мир или отразить его, а чаще — создать под определенной задачей. Это разные задачи, но фотография — тот способ, где система уравнений со многими неизвестными может быть решена.

Область приложения фотографии как способа фиксации реальности — громадна.